

МЕЖДУ «ЗНАНИЕМ КАК» И «ЗНАНИЕМ ЧТО»: БРЭНДОМ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРАГМАТИЗМЕ

Robert Brandom. *Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2011. 222 p.

Новая книга одного из самых цитируемых и обсуждаемых в Европе американских философов, профессора Питтсбургского университета Роберта Брэндома посвящена проблемам семантики, феноменологии восприятия и лингвистики. Развивая идеи Витгенштейна, Куайна и Рорти (которого Брэндом называет своим «интеллектуальным наставником», *Doktorvater*), автор выдвигает оригинальный проект «прагматизации» аналитической философии – синтеза лингвистического анализа и прагматизма. Значительное внимание в книге, основу которой составили публикации, доклады и выступления Брэндома с 2000-го по 2011 г., уделяется классикам прагматизма – Пирсу, Джеймсу и Дьюи, а также их европейским «предшественникам» – Гегелю, Дарвину и особенно Канту (развернутое введение к сборнику озаглавлено «От немецкого идеализма к американскому прагматизму – и в обратном направлении»).

Для Брэндома Кант – «прагматист *avant la lettre*» (с. 4). Трансцендентальная аналитика, говорит он, нанесла сокрушающий, но все же не смертельный удар по картезианскому дуализму и рационалистической метафизике. Человеческий разум, доказывал Кант, не «открывает» законы природы, а «производит» их, *вкладывает* в природу; наш космос несет на себе отпечаток нашей разумности, т. е. «концептуальной активности». Этим опровергалась старая позитивистская догма, согласно которой исследование природного мира начинается с наблюдений, из которых затем *выводятся* научные истины и теории. На самом деле, говорит Брэндом, *что* человек видит (содержание его представлений) зависит от того, *как* он смотрит на мир (нормативной практики, модуса *operandi*). За каждым «знанием что» стоит определенное «знание как» (с. 47–48).

В дальнейшем, у Гегеля и его европейских последователей, прагматический идеализм Канта претерпел *натурализацию*: концептуальные нормы, априорные принципы и регулятивы познания стали интерпретироваться как социально-практические установления, институции. Классики американского прагматизма продолжили и завершили эту натурализацию Канта, выдвинув новую, научно-эмпирическую концепцию «нормотворчества» и когнитивного «освоения» человека в мире. Ключевая идея Джеймса и Дьюи заключалась в том, что процессы эволюции (рода) и познавательной деятельности (субъекта) структурно идентичны: в обоих случаях речь идет о *приспособлении* (адаптации организмов к среде), селективном отборе одних элементов и «выбраковке» других. Пирс пошел еще дальше и распространил

эту дарвиновскую эволюционно-натуралистическую модель объяснения на всю *неорганическую* природу. «Те самые регулярности, которые принимались учеными старшего поколения, привычными считать парадигмой науки скорее физику Ньютона, нежели биологию Дарвина, за вечные, неизменные, универсальные и неустрашимые законы природы, рассматриваются Пирсом как своего рода “габитусы” Вселенной, которые... представляют собой результат селективно-адаптационного динамического процесса развития природного мира» (с. 6).

Такому, как выражается Брэндом, «онтологическому фаллибилизму» (представлению прагматистов об изначальной случайности/эмерджентности и изменчивости законов-«привычек» природы) соответствует фаллибилизм эпистемологический (представление о принципиальной гипотетичности и погрешимости любого научного, и тем более ненаучного, знания). Отличие радикального *эмпиризма* Джеймса–Шиллера–Дьюи от старых материалистических и сенсуалистских доктрин заключается в том, что «опыт» у них не статичен, а динамичен; это поток, а не состояние. Смысл, вкладываемый ими в это понятие, близок скорее к гегелевскому *Erfahrung*, чем к картезианскому *Erlebnis* (с. 39). **«Действительным результатом нашего опыта, говорят прагматисты, является не обладание *знанием*, какими-то его фрагментами или частями (items), а практическое *понимание*, усвоение и развитие жизненных навыков, требуемых для адаптации и взаимодействия со средой. Это скорее знание *как*, а не знание *что*»** (с. 7).

По мнению Брэндома, адекватной историко-философской оценке воззрений классиков прагматизма мешает «вульгарное» понимание их философии как идеологии грубого практицизма и волонтаризма, для которых не существует другого критерия истины, кроме субъективного удовольствия или пользы. Эта интерпретация, убежден автор книги, не только поверхностна и предвзята, но в корне ошибочна. Джеймс прямо настаивал на несводимости *истины* к практической пользе и удовольствию, объективно *желательного* – к субъективно желаемому или ценимому (противоположное утверждение, приписываемое прагматизму тенденциозными критиками из «рационалистического» лагеря, рассматривалось им как одно из восьми «заблуждений о прагматистах»). «Шиллер говорит: истинно то, что “работает”, – и его обвиняют в низведении истины до самых низких материальных выгод, – цитирует Джеймс Брэндом. – Дьюи говорит: истинно то, что доставляет “удовлетворение”, – и о нем отзываются так, будто он заменяет истинное приятным» (с. 18). Критики упускают из виду, что *полезность* идеи, как недвусмысленно дает понять Джеймс, является результатом ее «соответствия реальности». Соответствие для прагматистов, конечно, не означает слепого копирования объектов; это активное состояние, предполагающее воздействие на среду. Однако мы не бываем абсолютно свободны в выборе тех или иных решений: сама реальность диктует нам правила поведения, вводит «в курс дела», заставляя считаться с собой. «Наш практический опыт *включает в себя* объекты реальности, положения дел и события – все, что случается в мире» (с. 17). Суждения, не претендующие на объективность (понимаемую как операциональное соответствие фактам), не могут быть «обоснованными» (warranted) и инструментально надежными, утверждал Дьюи. Мы не вправе, поэтому, ставить знак равенства между истинностью (*обоснованностью*) и полезностью в смысле простого удовлетворения чьих-то потребностей или желаний. По мнению Дьюи, обоснованным является только то убеждение, которое открывает путь к разрешению проблематич-

ной ситуации, но решение проблемы не равнозначно достижению удовлетворения, ведь наши желания и потребности, равно как и представления о собственной пользе, могут быть ложными или неадекватными. Решение должно отвечать условиям, заданным ситуацией, «проблематичность» которой носит объективный характер. «Наше первоначальное состояние сомнения или неудовлетворенности проясняется в ходе опытного исследования; установление истинного положения дел и определение, в чем состоит наша действительная потребность, – две стороны одного процесса» (с. 20). Даже рационально оправданные, т. е. *теоретически* правильные решения, отмечает Брэндом, могут оказаться ситуативно ошибочными, т. е. *практически* ложными, а следовательно, и бесполезными. «Верная мысль о том, что искать легче при свете, чем в темноте, и правильность решения зажечь спичку, чтобы осветить помещение, скорее всего, не помогут вам найти выход из дома, если комнаты, в которых вы заблудились, наполнены горючими газами, а вам об этом ничего не известно» (с. 76).

Значительное внимание в книге Брэндома уделяется т. н. «лингвистической парадигме» англо-американской философии – различным концепциям и подходам к исследованию языка (в том числе двум основным, согласно классификации автора, разновидностям прагматизма – «лингвистическому» и «семантическому»). Господствующее умонастроение в среде философов языка, по мнению Брэндома, выразил британец Майкл Даммит, в самой категорической форме отвергнувший – как якобы «несуразную» – традиционную для нелингвистической философии идею о том, что всякое языковое высказывание (*assertion*) представляет собой артикуляцию (*expression*) внутреннего акта суждения. «...Скорее наоборот, суждение является интериоризацией внешнего акта высказывания» (с. 67).

Лингвистический поворот коснулся и прагматистов, однако в рамках этого направления философии, характерного для второй половины XX в., они шли своим совершенно особым путем. Если аналитические философы ограничивались исследованием формализованных, искусственных языков точных наук, то прагматисты-витгенштейнианцы сделали объектом изучения естественные языки, рассматриваемые *антропологически*, с точки зрения культурной и социобиологической эволюции. Их интерес сфокусировался не на *значении*, а на *употреблении*, на прагматике (дискурсивных практиках), а не семантике (референции). Что первично, а что производно? – заостряет вопрос Брэндом. Семантика (теория значения) определяет прагматику (теорию употребления) или наоборот – прагматика определяет семантику? Аналитическая традиция начинает с семантики, с вычленения базовых семантических элементов (интерпретантов) и анализа их отношений, *употребление* же языковых выражений отходит на второй план. Лингвистический прагматизм движется в противоположном направлении: от употребления – к значению выражений, от прояснения «*как*» – к пониманию «*что*»¹. С этой версией прагматизма Брэндом связывает будущее англоязычной аналитической философии (с. 55).

Исследование языка (анализ значения через употребление), согласно рекомендациям Брэндома, должно начинаться с рассмотрения «нормативных социально-лингвистических практик», с поиска ответа на вопрос, какие различные виды содержания (семантического) эти нормативные практики придают состояниям, действиям и выражениям, схватываемым в них.

¹ Различение «знания как» и «знания что» Брэндом заимствует у Гилберта Райла (см.: Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. С. 36–41).

Фундаментальным речевым актом, без которого невозможно развертывание специфически *дискурсивной* практики, оказывается у Брэндома предложение-утверждение (assertion). *Семантически* утверждение является пропозицией. *Синтаксически* элементы языка, с помощью которых мы выражаем пропозициональное содержание, являются декларативами. Сочетания и пересечения прагматических, семантических и синтаксических элементов образуют «ткань» дискурсивности (с. 30). Непосредственно зависимость значения от употребления раскрывается автором книги на богатом эмпирическом (точнее, лингвистическом) материале, а выводы иллюстрируются с помощью диаграмм, которые он называет meaning-use diagrams (с. 164–189).

С дихотомией значения–употребления связан целый клубок философских проблем, одной из которых является проблема интенциональности и репрезентации. Брэндом определяет интенциональность как «прагматически опосредованное семантическое отношение» (с. 210). С одной стороны, мы имеем практические способности, навыки и привычки, *имплицитное «как»*; с другой стороны – репрезентации и концептуализации, *эксплицитное «что»*. Необходимо, следовательно, различать два уровня, или типа, интенциональности: уровень *практического* и уровень *дискурсивного*. Практическая интенциональность соответствует адаптивному поведению разумных существ, в том числе не владеющих языком, их непосредственному взаимодействию с природной средой, их животным инстинктам, реакциям и побуждениям. Дискурсивная интенциональность состоит в формулировании и рациональном обосновании правил и принципов, в использовании языковых средств (понятий) для выражения мыслей, обмена доводами и аргументами. Фундаментально-прагматистский подход заключается в рассмотрении дискурсивной интенциональности как разновидности недискурсивной практической интенциональности (с. 9–10).

Разъясняя это, Брэндом приводит пример из классического исследования Элизабет Энском «Интенция» (1957). Представим себе, говорит он, человека в магазине, совершающего покупки по списку. Другой наблюдает за ним со стороны и записывает предметы, отобранные покупателем. При выходе из магазина у обоих окажутся списки, полностью идентичные, однако имеющие разные функции. Цель покупателя – произвести определенные действия, направленные на «изменение мира», сделать так, чтобы *реалии* соответствовали некоторому *представлению* (списку); цель наблюдателя – описать реальность как она есть, не внося никаких дополнений и изменений, т. е. *привести слова в согласие с миром*. Если покупатель допускает ошибку, он ее исправляет, видоизменяя «плохой», не отвечающий списку мир. Если ошибается наблюдатель, он вносит поправки в список. Джон Сёрль использует этот пример в качестве иллюстрации базового разграничения иллокутивных актов «по направлению приспособления между словами и миром»: *репрезентативов*, целью которых является установление соответствия слов миру, и *перформативов*, имеющих целью соответствие мира словам. Брэндом же говорит о необходимости снятия этого различия – дихотомии *практического* (когда реалии отвечают интенциям, «приводятся в соответствие» с намерениями и представлениями) и *теоретического* (когда представления отвечают реальности), дуализма интенций и репрезентаций, намерения и содержания, прагматики и семантики. Познавательный опыт, как мыслят его прагматисты, цикличен: первоначальное наблюдение (изучение ситуации) сменяется действием, целью которого является исправление ситуации или устранение какого-либо препятствия, затем следует новое наблюдение (рассмотрение

полученного результата) – и новое, обусловленное изменением ситуации, действие. Таким образом, резюмирует Брэндом, «все наши идеи и верования (beliefs) имеют практические последствия, а наши интенции – теоретические ограничения» (с. 46–47).

В философии Брэндома заметно влияние Ричарда Рорти, и автор не считает нужным это скрывать. Рорти принято обвинять в лжеинтерпретации прагматизма, в упрощении философских проблем и злоупотреблении риторизмом; одни называют его релятивистом, другие постмодернистом (в ругательном смысле), третьи – лингвистическим идеалистом. Брэндом считает эти упреки несправедливыми. Прежде всего, Рорти не был идеалистом – ни лингвистическим, ни дискурсивным, ни каким-то еще. Рортианский антирепрезентационизм, по мнению Брэндома, сводится к тривиальному различию экстра- и интра-лингвистических элементов опыта – *каузальных* и *нормативных* детерминант. «Основанием верования, – говорит Рорти, – может служить лишь другое верование»². Этим он хочет сказать, что всякое знание (обоснованное) является выводным, а инференциальные отношения возможны внутри и *только внутри* языка, между отдельными элементами диспозитивного словаря, точнее, его приложениями (applications of a vocabulary). Внелингвистическая реальность накладывает на пользователей языка исключительно каузальные, а не нормативные ограничения. Семантический репрезентационизм стирает это принципиальное для прагматиста Рорти различие между каузальными и нормативными отношениями, смешивая «внешнее» (каузацию) с «внутренним» (обоснованием). Однако, поскольку Рорти не отрицал внеязыковой каузальности *как таковой*, его нельзя считать дискурсивным идеалистом (с. 122–124).

В общем и целом, констатирует Брэндом, Рорти-постаналитик склоняется к инструментальному прагматизму. Он говорит о словарях как *орудиях*, которые подходят для решения одних и не подходят для решения других задач. Ценность словаря определяется тем, насколько он соответствует цели или задаче, которую мы решаем. Забивать гвозди удобнее молотком, а не каким-то другим инструментом, но это не значит, что молоток *просто как инструмент* лучше или нужнее гаечного ключа, отвертки или стамески. Точно так же словарь, которым мы пользуемся, не может быть лучше или ценнее других словарей просто как инструмент, *как словарь* (с. 135). Однако инструментально-прагматистский подход к исследованию языка как средства коммуникации и трансляции мыслей имеет свои слабые стороны, отмечает Брэндом. Трудность заключается в том, что в *нелингвистической* практике применению инструмента предшествует постановка задачи, определение цели, для которой инструмент производится или осваивается, которая *обуславливает необходимость* его применения. Но с практикой лингвистической дело обстоит совершенно иначе. Задачи и цели, которым вроде бы «служит» словарь, никогда не даны нам заранее, принятие их не предваряет использования языка. Вне дискурсивной практики наши экзистенциальные цели-задачи не могут быть даже помыслены (с. 77–80). Рорти отдает себе в этом отчет, когда говорит, что новые словари открывают и новые цели. «Всякий новоизобретенный словарь, – пишет он, – делает нечто такое, что не могло появиться до тех пор, пока не развился определенный набор описаний, производству которых он служит»³. С *натуралистической* точки зрения, резюмирует Брэндом, словари

² Цит. по: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Cambridge, 2011. P. 122.

³ *Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge, 1989. P. 13.

являются инструментами репрезентации и приспособления человеческих организмов к природной/социальной среде, а с точки зрения *историцистской* они являются «механизмами» производства и вербализации новых целей. Лингвистический прагматизм учитывает оба аспекта, «охватывает» натуралистическую и историцистскую перспективы (с. 136–141).

Определяющей чертой дискурсивности, пишет далее Брэндом, является производство и потребление пропозиционального содержания, которое, как он полагает, должно рассматриваться и описываться в терминах инференциальной артикуляции (пропозиции могут служить посылками или заключениями в выводах). *Понимание* репрезентаций, *схватывание* концептуального содержания является разновидностью практического «знания как», knowing how. Инференциализм Брэндона⁴ представляет собой метод такого познания-схватывания, в чем заключается его преимущество перед семантическим реализмом или репрезентационизмом. *Значение* и *понимание* – взаимосвязанные понятия. Бессмысленно рассуждать о значениях, отвлекаясь от вопроса о том, каким именно образом «даются» нам эти значения, как они схватываются и постигаются нами. Семантика неотделима от прагматики (с. 200–202).

С репрезентационизмом и «мифом о данности» связан *семантический атомизм* – идея о том, что существует некоторое (пусть ограниченное) количество «эпизодов, состояний и выражений», значение которых может быть схвачено напрямую, безотносительно к другим состояниям/эпизодам и вне установленного контекста. Брэндом решительно отвергает такой семантический атомизм. «Понимание холистично – следовательно, холистично значение» (с. 204).

В отличие от Рорти, Брэндом – систематический философ (вернее, претендующий на систематичность). Он приложил немало усилий для разработки новой прагматистской теории истины и объективности. Скрупулезнейше проанализировав различные направления и концепции прагматизма, Брэндом составил детальную их классификацию. Из рецензируемой книги читатель, например, сможет узнать, чем классический прагматизм, по мнению автора, отличается от «лингвистического» (с. 24) или «инструментально-нормативного» (с. 71), а прагматизм «рационалистический» (с. 83) – от «историцистского» (с. 140) или «редуктивно-фундаментально-семантического» (с. 67). Насколько точны и полезны подобного рода классификации – вопрос дискуссионный. Как бы то ни было, Брэндому удалось, разложив прагматизм «по полочкам», показать, что современным философам-аналитикам, социальным психологам и лингвистам есть чему поучиться у прагматистов – и «ранних», и «поздних». Так что предпринятое им «переописание» прагматизма по крайней мере в этом смысле можно считать успешным.

⁴ См.: *Brandom R. Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000.*